
Ты не поймёшь, какой тоской незрячей
Склонён к земле таинственный цветок?
Откуда лепестковый воск горячий
Набрался сил упасть на ноготок?

Найди ответ, какая божья воля
Кровосмесила пыльчатый узор
С невыразимым отпечатком горя,
Понятиям земным наперекор...

Два огня неземных
Хороводят за чахлою шторой.
Я люблю, когда тих
Зимний вечер, печальный, пунцовый.

Это горестный сон,
Простыней раздражающий шорох;
Это песня о том,
Что декабрь таинственный дорог.

Пейте ром, пейте всё,
Что теплом поцелует вас в щёки;
И ещё, и ещё -
Пейте горечь ночей одиноких.

Пейте чёрную смерть,
Чтобы эти огни роковые
Продолжали гореть,
Безразличные, яркие, злые...

Приснись мне под утро в белом, как молоко,
Платье, и улыбнись, и скажи: «Легко
жить без тебя, смеяться, варить обед.
Я не скучала ни разу за восемь лет!»
И попроси отвернуться, поправь чулок,
сделай глоток из горлышка. «Одинок?
Я то подумала, что у тебя жена
сходит с ума от ревности и вина.
Я то надеялась встретить твоих детей,
маленьких лебедей на пруду...» На ней
белое платье, прозрачное, как дымок.
«Видишь, родная, я без тебя не смог...»